

Илья Муромец и сын

От того от морюшка от синего,
От того от камешка от серого,
От той от мамки от Владимирки
Был у ей сын, маленький воробушек.
И стал он тоже поезжать от матушки,
Просится в чистó поле погулять.
Отпускает его мамка, наговаривает:
«Ты еси, мое чадо милое,
Не съезжайся ты со старым казаком Ильей Муромцем,
Он побьет тебя, молодёшенька!»
(Он-то молодой был еще, пятнадцать лет ему было!)
Взял Соко́лик палицу боёвую,
На правóм плече у него сидит седой голубь,
На левóм плече сидит сизый сокол,
Впереди его бежит собака его верная.
И поехал он, простился с родной маменькой,
И выехал он во чистó поле.
Едет он по чисту полю,
По чисту полю, по раздольицу,
Едет он, забавляетца,
Вперед палицу помётывает,
На лету́ он палицу подхватывает,
И палице он наговаривает:
«Нож ты мой булатный,
Стрелоцка моя калёная,
Палица моя боёвая,
Не выдавайте меня во чистóм поле,
Во чистóм поле с неприятелем!»
Поехал он прямо на заставу богатырскую.
А было в эту пору, во времецко —
Вышел стар казак да вон на улицу,
Вышел он на свою на башню на высокую,
Взял он трубоцку подзорную,
И смотрит он во все четыре стороны:
Под восточной стеной — горы снежные,

Под западной — погóды великие,
А под северной — горы льденистые,
А с южной стороны он заметил
Во чистом поле неприятеля,
Неприятеля да мáла юноша.
Едет маленький да забавляетца,
Небылыми речами похваляетца,
Говорит он, изрецает таково́ словó:
«Я заеду нынче в стольний Киев-град,
Святы́ иконы я сповы́калю,
Старóго казака возьму во конюхи,
Всю заставу его сповы́убиваю».
Едет, просит споединщика.
Зашел стар казак Илья Муромец:
«Ну, ребята, — говорит он, — кого послать нынче нам?
Алешеньку, рода поповского? Не умеет он съехатьца
С Добрынюшкой во чистóм поли́,
Потерят он свою буйну голову;
Послать Добрынюшку, роду богатого?
Так Добрынюшка — роду богатого,
Не умеет он съехатца во чистóм поли́;
И послать мне Васильюшка — роду христианского!»
Вот собрали они Василия,
Посадили его на добра́ коня,
Посадили в седёлышко зеркальное,
Дали ему тугой лук, нож булатный, копье́ долгометное.
И видели: мóлодец в стремяна вступил,
А не видели, как на коня вскочил.
Видели: в поли не пыль стоит,
Куревá стоит, да дым столбом валит.
Наехали молодца во чистóм поле:
«Што едешь, ворона распугана,
Нас, сорок богáтырей, ницем зовешь,
Всю нашу заставу, молодец, под ноги стоптал?»
Нагонил Васильюшку с добрым конем,
Схватил Васильюшка за желты́ кудри,
Вытащил его из седёлышка зеркального,
На одну укóлку дал тя́пушек,
На другую посадил ала́бушек

И посадил обратно на того коня,
Отправил Васильюшка со выслугой.
Поехал Васильюшка — не может сидеть на кони —
Едет Василий не по-старому,
Едет Василий не по-прежнему.
Встречает стар казак да Илья Муромец,
И говорит он таковó словó:
«Што ты, Василий, едешь не по-старому,
Что ты, сын крестьянский, не по-прежнему?
Ты не умел, видно, съехаться с молодцом во чистóм поле.
Кого нынче послать нам поединщика?
Давай пошлем нынче Алешеньку, сына поповского».
Отправляют они Алешеньку, сына поповского,
Повыбрали Алешеньке добра коня,
Всю приправу молодецкую,
Всю сбрую лошадиную.
Сел Алешенька на добра коня,
Распростился со всема со товарищами,
Поехал во чистó поле.
Подъезжает опеть ко добру молодцу
И говорит молодцу таковó словó:
«Што ты едешь, собака стáра,
В чем ты едешь, похваляешься,
Из речей да вышибаешься?»
Подгонил Алешенька к добру молодцу.
Не успел Алешенька конём вернуть —
Подхватил его добрый молодец за желты кудри,
Вытащил со добра коня,
Со добра коня, с седла зеркального,
По одну — дал ему тяпышек,
По другú холку дал алабушек,
Посадил обратно на добра коня,
Отправил опять на заставу со выслугой.
Поехал Алешенька не по-старому,
Едет Алешенька, да не по-прежнему,
Встречат стар казак да Илья Муромец:
«Что ты едешь не по-старому,
Што ты, сын Попович, не по-прежнему?
Не умел, наверно, съехаться с добрым молодцем во чистóм поли.

Кого нынче нам послать да поединщиком,
Кого станем выбирать да защитника,
Защитника всему нашему народу?»
Послали они Добрынюшку, сына купческа,
Повыбрали ему добра коня,
Всю сбрую лошадиную, всю приправу военную:
Дали ему копье долгометное, тугой лук, булатный нож,
Дали ему все стрелоцки калёные,
Все винтовочки заряженные.
Поехал Добрынюшка во чисто поле.
Во чисто поле да на раздольице
Наезжает быстро добрый молодец
И говорит он таково слово:
«Ты куда-то едешь, куда путь держишь,
Нас, сорок богатырей, ницем зовешь?»
Он не бился с ним, на ратился,
Он взял дал ему тяпышек,
На другу холку дал алабушек,
Посадил его на добра коня,
И поехал Добрынюшка со услугой —
Не может сидеть на добром коне.
И говорит нынче стар казак Илья Муромец:
«Больше неким, ребята, заменитися,
Придетца самому ехать во чисто поле
Да съезжатьца с добрым молодцом.
Мы съедимся с им — добром да не разъедимся».
Поехал стар казак да Илья Муромец.
Помолился он Господу Богу,
Заходил он да во божьи церкви,
Налаживал он чудный крепкий крест.
Видели, как стар казак в стремя вступил,
А не видели — на коня вскочил,
Не пыль в поли — курева стоит,
Курева стоит, дым столбом валит.
Съезжаютца сейчас два молодца во чисто поле
На добрых своих конях да на удалых.
Как подъезжат стар казак да к добру молодцу,
Отпускает от себя всех добрый молодец.
Он сымает с права плеча сиза голубя,

Сымает с левá плеча чёрна соболя,
Отпускает он всех их во чистó поле:
«Вы подьте от меня, мы съедимся со старым Ильёй Муромцем,
Нам добром с им да не разъехаться».
Вот и съехались они и сразались,
Они пулями стрелялись — пули их не брали,
Копьями бились — копья поламались.
Бились они тут трои суток —
Некоторый некоторого не ранили.
Сбились они с добрых коней,
Схватились они на рукопашную битьца,
Волочились они тут и бились —
У младого у Соколика нога тут подвихнулась,
Повихнулась у него правá нога,
Упал он на колена с ног.
А в пору было, в то времечко,
А стар казак Илья Муромец
Сел ему да на белые груды
И вытащил он булатный нож,
И замахнулся ему во белые груды —
Во плече рука у его да застоялася.
И стал он у его спрашивать:
«Уж ты молодой, юный да сын Соколушек,
Ты скажи мне всю правду-истину,
Ты с какой земли, какой родины,
Ты какого да отца-матери?» —
«Уж ты старая собака захлычлива,
Уж ты стар, смотри, да стар казак,
Ты не спрашивай у меня ни отца, ни матери,
Никакого у меня ни роду, ни племени;
Коли сидишь на грудях, так коли меня».
Во второй раз замахнулся стар казак на него —
Во локти рука застоялася.
«Ты скажи-ка мне, христианский сын,
Ты какой земли, да какой родины,
Ты какого да отца-матери?» —
«Ты коли меня, когда сбил меня,
Ты не спрашивай ни роду, ни племени:
Ни отца у меня, ни матери».

Он и замахнулся во третей након —
По кисти́ рука застоялася.
Он опять спрашивает:
«Уж ты ой еси, Соко́лушка,
Ты скажи мне-ко всю правду-истину,
Ты какой земли, какой родины,
Какого да отца-матери?»
Он и сказывать ему стал:
«Я от того от камешка от серого,
От той от мамки от Владимирки».
Вставал стар казак на резвы́ ногы́,
Брал его во белы́ руки́,
Целовал его в уста сахарные,
Называл его чадом милым:
«Ты одно у меня чадо милое.
Есть в чистом поле стоит шелков шатер,
Мы поедем там, да отдохнем там».
Садилась она на добрых коней,
Поехали они к белому шатру да белокаменну,
Поехали они во чистое поле.
Они приехали столованьем да пирваньем тут,
Ложились они тут с бою отдыхать,
Ложился стар казак, засыпал своим крепким сном.
А молодой этот Соколик не спит,
В худом уме всё думает.
Вышел он вон на улицу,
Поехал он ко своей маменьке.
Приезжает он к своей мамоньке.
Встречает его мамонька родимая:
Всё-то у него не по-старому, всё не по-прежнему,
Всё-то у него истрепано, всё оборвано.
И говорит ему мамонька таковое слово:
«Ты, чадо мое милое,
Ты съехался во чистом поле со старым казакым,
А старому в поле смерть не написана».
Говорит Соколик таковое слово:
«Я съехался со старым казакым во чистом поле,
Старый казак зовет тебя б<лядью>, меня выб<лядком>».
Говорит ему мамонька родимая:

«Не пустым старой да похваляетца».
Он ваял у матери да голову смахнул.
Когда заспал стар казак да Илья Муромец
Своим сном да богатырским,
Тогда забежал Сокол во бел шатер,
Во бел шатер да в белокаменный
Со своим ножом со булатным,
Он ткнул стара казакá во белы груды.
У старого-то казакá был чудный крест,
Во крест нож-то ударился,
Разбудился стар казак да Илья Муромец,
Увидел окол себя Сокóлушка,
Говорит ему таково словó:
«Уж ты что делаешь, млад Сокóлушек,
Не говорено было больше биться-ратитьца».
Вскочил стар казак на резвы ногы,
Хватал его за желты кудры,
Поднимал его выше лесу, выше тёмного,
Выше облака, выше ходящего,
Опускал его на землю — не подхватывал, —
Опáдывал Сокóлик, как камешек, на сыру землю.
(Так вот он его и убил.)

(Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Среднее Бугаево Усть-Цилемского р-на — от Мяндиной Елены Григорьевны, 69 лет (уроженки д. Карпушовка).)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.